

Материалы Рязанской епархии 1899 — Материалы для историко-статистического описания Рязанской епархии, ее церквей и приходов. С. Рожново ц. Успения Б. Матери (Зарайск. у.) // Рязанские епархиальные ведомости. 1889. № 6.

Морозов и др. 2001 — Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязань, 2001.

Панфилов 1992 — *Панфилов А. Д.* Константиновский меридиан. Ч. 2. М., 1992.

Проходцов 1895 — *Проходцов И.* Предбрачные обычаи и убытки у крестьян Рязанской губ. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1895. Вып. 1. Т. 10.

Шейн 1900 — *Шейн П. В.* Великокурс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2.

Архивные источники

АА — Архив автора.

Данковский музей — Рукописный отдел Данковского краеведческого музея (Липецкая обл.): *Бобков С. С.* Старинная свадьба. Записи Данковского р-на. (Точные место и дата записи неизвестны, но после 1941—1945 гг.; автор родом из с. Хрущёво-Подлесное Данковского р-на).

ИЭА — Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ф. 1379. Т. IV. Л. 28: *Липец П. С.* Свадебный обряд в с. Корневом Скопинского р-на. Рукопись.

МГК — Архив Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

МГК 1980 — МГК. Лето 1980. Дневники. Тетр. 6. № 1243.

МГК 1982 — МГК. Лето 1982. Дневник. Тетр. 2. № 1303.

МГК 1985 — МГК. 21.01.1985. Дневник. Магнитофон 2. Сеанс 1: с. Восход (б. Полтевы Пеньки) Кадомского р-на.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1420. Оп. 1. Ед. хр. 105: д. Васьницкое, с. Колычево Егорьевского у.

РГПИ — фольклорный архив кафедры литературы Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина.

РЭМ — Российский этнографический музей. Фонд кн. Тенишева. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1432. Л. 2: *Кутехов Ф.* Рязанская губерния, Егорьевский уезд. Свадьба, свадебные обряды и обычаи. Девственность новобрачной. Неспособность мужа к брачной жизни. Власть мужа над женой. Супружеская неверность. 1889. Рукопись. 17 лл.

А. П. КОНККА

(Петрозаводск)

КАРСИККО В ОБРЯДАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФИННО-УГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Статья посвящена некоторым итогам исследования особым образом отмеченных деревьев-знаков (финское и карельское *karsikko/karzikko*¹), имевших как ритуальное, так и практическое применение в традиционной культуре населяющих Европейский Север народов. Феномен карсикко относится к малоизвестным, но характерным для культуры прибалтийско-финских народов явлениям. Дерево карсикко используется в обрядах перехода — инициации, свадьбы, похорон, — а также в промысловой обрядности как многозначный ритуальный символ со значениями духа-охранителя, заместителя Мирового древа с функциями оберега и медиатора, маркера сакральных границ, инструмента освоения жизненного пространства.

На прибалтийско-финском материале универсальные постулаты, связанные с Древом жизни, являющимся мифологическим средоточием жизненных сил, приобретают конкретные черты, выражающиеся в обряде в определенной, только ему свойственной форме вырубания карсикко. Особая форма и идейное содержание здесь воплощены в конкретном объекте. Всё это делает изучение данного явления и связанных с ним представлений и обрядовых действий особенно значимым для исследователя, в том числе в сравнительно-историческом плане.

Следует отметить сложность мифологических представлений и обрядовой символики карсикко, что легко объяс-

¹ Севернофин. *hurrikas*, южнофин. *gistiin*, эстонское *ristikuusk*, *ristipedäjä*, ср. архангельское и вологодское «залазь», коми «пас пу» и другие названия.

нить как его широкими ритуальными функциями, так и древностью самого явления. На протяжении длительного времени функции карсикко и религиозные представления о нем могли меняться, и не всегда дошедшие до нашего времени свидетельства о связанных с ним обычаях достаточно полно объясняются в трудах современных исследователей. Корректировки иногда требуют и общетеоретические подходы, трактующие явление либо в сугубо материалистическом ключе, либо, наоборот, в чисто религиозном, полностью исключая практическую или стихийно-реалистическую подоснову обычаев вырубания карсикко.

Карсикко — это преимущественно хвойное дерево с определенным образом обрезанными ветвями/вершиной или различными вырезанными в стволе знаками: от простого затеса (выровненная топором поверхность) или зарубки до антропоморфного изображения. Иначе говоря, автор относит к карсикко все деревья, подвергшиеся обработке острым орудием в ритуальных целях, т. е. с целью нанести на дерево определенные знаки, сделав его деревом-знаком, обрядовым символом, а также с целью использования его частей (древесины, веток или коры) для проведения обряда. Существует зависимость между выбранной формой обработки дерева и мифологической подоплекой, связанной с конкретным обрядом или ситуацией, требующей нанесения на дерево определенных знаков. В некоторых случаях она прослеживается достаточно легко. Однако часто встречаются и общие стандарты формы карсикко для разных обрядовых ситуаций, что скорее всего связано с длительным использованием параллельных форм вырубания карсикко или отсутствием сведений.

Карсикко как явление фиксируется на территории таежной зоны от Северной Швеции до Уральских гор и генетически восходит к культуре прибалтийско-финских и шире — финно-угорских сообществ лесных охотников и рыболовов, населявших некогда всю выше обозначенную территорию. До недавнего времени о распростра-

нении данной традиции на восток от Финляндии и Карелии ничего не было известно, однако экспедиции автора 1990—2000-х гг. на Европейском Севере существенно изменили ситуацию. Из таких регионов как Архангельская, Вологодская обл., Коми Республика и Марий Эл были получены полевые материалы, доказывающие бытование там исследуемого явления.

Карсикко, особенно во всей его парадигме мифологических и обрядовых значений, явление малоизученное. Тем не менее, разработка темы раскрывает широкие возможности как в исследовании раннеисторических представлений о природном мире, так и вопросов этногенеза и этнической истории, учитывая широкое распространение явления в циркумполярной и лесной зоне Евразии. Сравнительный материал из отдаленных восточных территорий дает возможность определения границ бытования изучаемого явления. Кроме того, будучи стадияльно более ранним, сибирский материал служит инструментом для проверки некоторых теоретических посылов.

«Базовыми» для исследования феномена карсикко были районы севера Фенноскандии и Северо-Запада России; традиция известна также в Эстонии и Северной Латвии. Таким образом, речь идет о территории расселения саамов, карел, финнов, частично шведов и эстонцев. Основным источником сведений о карсикко на современном этапе являются финские и карельские материалы, которые также наиболее репрезентативны как в плане их количества, так и исторической перспективы (большинство было зафиксировано в XIX в.).

В отечественной этнографической литературе проблематика деревьев-знаков разработана мало. Несмотря на то, что первая заметка о «крестовых соснах» (карсикко) на Карельском Перешейке Э. Вольтера вышла в свет еще в 1915 г. в приложении к журналу «Нива» с описанием обычая обрезания ветвей и подвешивания в ходе похоронного обряда на специально выбранных соснах деревянных табличек с инициалами и года-

ми смерти погребаемых, тема карсикко в отечественной литературе получила развитие только спустя 70 лет. Автор статьи первую свою работу по восточнофинским и карельским карсикко издал в Петрозаводске в 1986 г. [Конкка 1986]. В 1999—2006 гг. автором статьи было опубликовано еще несколько материалов на данную тему на русском и финском языках.

В Финляндии о карсикко периодически выходили разного рода заметки и материалы начиная с конца XIX в. В 1924 г. в ежегоднике Общества Калевалы в Хельсинки была опубликована статья Уно Холмберга (впоследствии автора многочисленных обобщающих работ по финно-угорским народам) «О карсикко в Финляндии», которую можно считать первым значительным научным исследованием данного явления [Holmberg 1924]. В 1931 г. в языковедческом журнале появилась статья Майя Ювяс, подводящая промежуточный итог полевым сборам материала по теме карсикко. В том числе ею был опубликован ценнейший материал по результатам исследований в шведской провинции Вярmland среди так называемых «лесных финнов», переселенных шведским правительством в основном из восточнофинской исторической провинции Саво в XVI—XVII вв. [Juvas 1931].

В послевоенные десятилетия в Финляндии вышло еще несколько статей и исследований, так или иначе затрагивающих эту тему, из которых следует назвать статьи Аско Вилкуна, посвященные разработке темы представлений о душе и связанной с ней атрибутике у финнов [Vilkuna A. 1960]. В 1963 г. появляется обстоятельная статья Юха Пентикяйнена «Карсикко Пюхьякангас» о самой большой сохранившейся в Средней Финляндии роше карсикко умерших, которые вырубали здесь по дороге на кладбище. В статье затрагиваются и другие формы карсикко [Pentikäinen 1963]. Исследователь карел, языковед Пертти Виртаранта в 1958 и 1978 гг. публикует две книги текстов, записанных в основном от карел северо-западной Карелии, из бассейна озера Куйтти. В них немало ценного

материала по карсикко [Virtaranta 1958; Virtaranta 1978]. В 1992 г. была опубликована монография музееведа Я. Вилкуна «Карсикко умершего», в которой приведен финский, частично также шведский и эстонский материал по данной тематике [Vilkuna J. 1992]. В 1994 г. вышел второй том Атласа финской культуры, посвященный традиционной духовной культуре Финляндии. В нем имеется карта и сопровождающая ее статья о карсикко на территории расселения финнов. В Атласе традиционно учитывались и старые карельские материалы [Sarmela 1994]. Наконец, в 1999 г. в ежегоднике Общества Калевалы вышла в свет статья А. Конкки (на основе полевых материалов автора) о карсикко в финской Лапландии и Кайнуу, где помимо финских были также опубликованы некоторые полевые материалы из Северной Норвегии, а также ранее не публиковавшиеся архивные материалы о карсикко из северо-восточной Швеции крупного финского собирателя Самули Паулахарью [Konkka 1999a].

В перечисленных работах финских авторов достаточно ясно прослеживается мысль о многофункциональности деревьев-знаков, рассмотрены и выделены основные их типы: промысловое карсикко, карсикко неопита, карсикко умершего, праздничные карсикко. Надо заметить, что Уно Холмберг выделял гораздо большее количество типов карсикко, говоря о его связи с почитаемыми родовыми деревьями, об особом «медвежьем карсикко», на которое вешали черепные кости медведя и т. д. На самом деле четкое разделение деревьев-знаков на типы и подтипы — достаточно сложная задача, так как нередко они выполняют ряд функций. Несомненно, что пришло время для создания нового принципа классификации, нужны новые подходы к явлению, что предполагает использование широкого сравнительного материала из разных регионов.

Помимо упомянутых ссылок на шведский и эстонский материал, а также материалы из Беломорской Карелии, все сведения о карсикко в работах финских исследователей каса-

лись только территории Финляндии. Многие из них считали, что карсикко отсутствует за пределами восточной границы Финляндии. Однако, по современным материалам, деревья-знаки известны практически на всей территории Северной Европы — от Северной Норвегии и Швеции до Приуралья. Типологически сходные явления наблюдаются и у сибирских народов. Имеются некоторые данные, говорящие о бытовании феномена карсикко в районе Скалистых гор в Северной Америке (карсикко, вырубленное по поводу победы в единоборстве с медведем-гризли) [Нагва 1942, 93] и в календарных обрядах и обрядах инициации на разных континентах. Таким образом, перспективы исследования деревьев-знаков более чем значительны.

Полевой материал по деревьям-знакам начал собираться автором этой работы с конца 1970-х гг. в Северной Карелии. В 1980-е гг. сведения о карсикко пополнились материалами из Южной Карелии, юга Мурманской обл. (карелы), Ленинградской обл. (вепсы), Валдайского р-на Новгородской обл. (карелы и русские). В 1990-е гг. был собран значительный материал в районах Северо-Восточной и Северной Финляндии, а также Северной Норвегии (1997). В ходе полевых исследований был получен практический опыт работы, который был применен в изучении деревьев-знаков на более восточных территориях.

В 1998 г. состоялась первая экспедиционная поездка на восток Карелии в Пудожский р-н (Водлозеро и Илекса) и в западную часть Архангельской обл. (Онежский р-н), которая оказалась особо значимой как по количеству, так и по качеству собранного материала. В ходе экспедиции выяснилось, что продвижение на восток открывает новые перспективы в изучении деревьев-знаков. В 1999 г. в составе комплексного отряда исследователей традиционной культуры из Петрозаводского университета и Петрозаводской консерватории автор работал в Вытегорском и Вашкинском (Северное Белозерье) р-нах Вологодской

обл., где обнаружилась устойчивая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и «святых местах», имеющая, несомненно, давнюю историю. Были зафиксированы и живые, типологически сходные с карсикко формы (рекрутская «заломка»), восходящие к традиции обрубания дерева-карсикко рекрутом, отправляющимся на воинскую службу. В 2000—2001 гг. состоялись экспедиции в Коми Республику, где на Верхней Вычегде и Мезени были обнаружены сходные явления: карсикко на кладбищах и в их окрестностях, на сенокосах, у промысловых изб и т. д. Последующие экспедиции на Кенозеро в Плесецкий р-н Архангельской обл. (2002 г.), к русским, южным вепсам (2003 г.) и тихвинским карелам (2004 г.) Бокситогорского и Тихвинского р-нов Ленинградской обл., поморам Поморского (2003 г.), Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря (2005 г.), на оз. Выгозеро в Среднюю Карелию (2006 г.) значительно расширили представление о феномене деревьев-знаков как в географическом, так и в содержательном аспекте. В 2005 г. выяснилось, что на территории Марий Эл в ряде районов республики были обнаружены деревья с зарубками и вырезанными в них знаками собственности. В 2006 г. состоялась экспедиционная поездка в Марий Эл, результатом которой стали значительные полевые материалы и предварительное определение южной границы явления карсикко. Деревья-знаки были обнаружены в священных рощах, у родников, на кладбищах, на перекрестках дорог и т. д. В 2007 г. состоялась поездка в Котласский и Вилегодский р-ны, на крайний восток Архангельской обл., где собраны любопытные данные по карсикко на «святых местах» и обнаружена развитая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и в церковных рощах.

Полевой материал из областей Северо-Запада России прошел только первичную обработку и, не считая нескольких фотографий и упоминаний в статьях, не публиковался до 2003 г., когда в сборнике «Панозеро — сердце Беломорской Карелии» вышла статья

«Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко», которая является сводом разнохарактерных сведений, полученных на основе полевых исследований. Публикацией полевых материалов является вышедший в сборнике Водлозерского национального парка дневник экспедиции на Водлозеро Пудожского р-на Карелии в 2005 г. [Конкка 2006], а также статья автора, написанная на основе материалов, собранных на Выгозере в северо-восточной Карелии. Большая же часть полевых материалов еще ждет своего часа.

Имеющиеся в нашем распоряжении литературные и архивные сведения, музейные и полевые материалы о бытовании исследуемого явления на территории Севера Европейской России распределяются по регионам очень неравномерно. Количество собранного материала в некоторых северо-западных регионах достаточно репрезентативно для картографирования типологических признаков явления. Не считая Финляндии, материал по которой в основном картографирован (в частности, автором статьи в 1999 г. была опубликована карта-схема материала, собранного в Северной Финляндии), это Карелия и прилегающие к ней южные районы Мурманской обл., некоторые западные районы Архангельской обл., восток Ленинградской обл., включающий территорию проживания тихвинских карел и вепсов, а также ближайшие к ним русские деревни. На территории Вологодской обл. возможно нанести на карту север Вытегорщины и Северное Белозерье. Остальные восточные территории можно картографировать только точечным методом, там, где проводились полевые исследования. Из некоторых крупных регионов, таких как Новгородская, Тверская обл., восток Вологодской обл. или Костромская обл., имеются только отдельные описания в литературе или ограниченные одним-двумя пунктами полевые материалы. Если северная граница описываемого явления на территории Восточной части Северной Европы проходит по северной кромке хвойных лесов, то

южная пока остается неопределенной на большей территории Европейского Севера. На сегодняшний день известны только два региона, где можно примерно определить южную границу явления. Это две крайних точки: на западе — Северная и Средняя Литва и на востоке — предположительно южная граница Марий Эл.

Следует отметить, что большинство архивных материалов по обрядности, связанной с карсикко, сосредоточено в архиве Финского литературного общества и Словарного фонда (Хельсинки), сведения о карсикко имеются и в некоторых местных финских архивах, как, например, в Музее Кайнуу в Каяни. Из отечественных архивов следует отметить материалы Государственного архива Архангельской обл., Российского этнографического музея, Научного архива КарНЦ РАН, Фонограммархива Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Древнейшим типом карсикко принято считать промысловое карсикко. По мере накопления материала выяснилось, что карсикко умершего также бывает связано с промыслом. Это обстоятельство, вероятнее всего, говорит о древности обоих типов карсикко. Промысловое карсикко у карел — явление совершенно неисследованное, поэтому новые полевые материалы значительно расширяют сложившееся в литературе представление о данном явлении. Сравнение с традициями народов Северной Евразии помогает выстроить материал в диахронической последовательности.

Отдельной темой, имеющей широкие аналогии, представляется вырубание карсикко в ходе обрядов, связанных с инициацией. Использование отмеченного дерева для сотворения моста между мирами в условиях кризиса, переходного состояния смены статуса или временного перехода имеет аналогии на всех континентах. Сама идея «влезания на небо» практически универсальна. Однако ее воплощение и степень наполненности иными, параллельными смыслами — в разных культурах своя [Элиаде 1999].

Карсикко выступает обрядовым символом с несколькими значениями в свадебной и похоронной обрядности, прежде всего обеспечивая защиту души невесты или души умершего человека, создавая для них духа-охранителя, помогающего преодолеть переход в новый статус. Здесь возможны многочисленные параллели с календарной обрядностью, в которой карсикко зачастую играло центральную роль. Одна из главных задач, которое выполняло карсикко в похоронной обрядности — это привязка «бродячей» души к определенному месту (ср.: карсикко как особая роща из хвойных деревьев, находящаяся на полпути к церковному кладбищу).

Карсикко, помимо его охранительной функции, играет роль медиатора между человеком и духами потустороннего мира, среди которых находились и умершие родственники, и предки, у которых была своя особенная роль в этом мире. Именно они, по мысли человека допромышленных эпох, могли руководить человеческим социумом на земле.

Кроме того, многие конкретные карсикко выполняли две, а то и три функции одновременно. Например, свадебное карсикко оказывалось на границе родовых земель жениха, на краю освоенной и неосвоенной человеком территории леса, карсикко умершего человека могло быть сделано на рыболовной тоне и пр.

С карсикко были связаны и другие представления. Надо учитывать, что карсикко — это живое дерево, которое (особенно посвященное конкретному лицу, например, карсикко невесты или промысловика) начинает играть роль заместителя человека, когда он осознает его «своим» деревом, от состояния которого зависит здоровье и даже жизнь. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что у каждого взрослого человека оказывалось свое дерево-карсикко (если не несколько): первая удача на промысле, утверждение в социальной группе, отправление в дальнее или не столь дальнее странствие, прибытие в незнакомое место, выход замуж или смерть — все эти ситуации, как правило, сопровождались вырубанием карсикко.

В обрядности карсикко — заместитель (или представитель) Мирового древа и выполняет его основную оберегающую задачу — сохранять в неприкосновенности «ось Вселенной», быть гарантом космического порядка, но в то же время и питать жизненность, хранить души людей и животных и пр. Использование в обряде обрубленных с карсикко веток и хвои в качестве символа плодородия говорит еще об одной стороне карсикко — о его жизнеутверждающем начале, кроющемся в представлениях о жизненной силе (особенно вечнозеленого) растения.

Широта ритуально-символической парадигмы карсикко, различие форм и способов обработки дерева, его географическое распространение говорит о значительной древности и возможной универсальности исследуемого явления, что связано, прежде всего, с мифологическими представлениями о дереве и его роли в жизни человека допромышленной эпохи. Эти причины порождают множественные смысловые «ответвления» от непосредственной темы, заложены в материале и могущие быть объектом самостоятельного исследования. Таковой является тема *дерево-человек*, выражающаяся в ряде аспектов: мифологическом, обрядовом, языковом и других. Помимо общих мифологических представлений о связи человека и дерева (личное дерево-карсикко в качестве духа-охранителя, именное карсикко на могиле, именинное карсикко, персональное карсикко, от состояния которого зависит здоровье и благополучие человека и т. д.), некоторые термины, связанные с формами обрубления дерева («рука» или «руки», «плечи», «шея» как части карсикко) указывали на прямое уподобление дерева человеку. Кроме того, слово *huttikas*, которое, помимо самого дерева-карсикко могло означать и вырезанное в коре дерева антропоморфное изображение или дощечку с инициалами и годом смерти покойного в форме человеческой фигуры, по своей этимологии восходит к значениям «душа человека» и «дух умершего». В этой связи напрашивается сравнение с погребальной обрядностью многих сибирских народов, связанной

с захоронением на (или в) деревьях, с другой же стороны с мифами о происхождении людей от определенной породы дерева.

Малоработанной, но перспективной и не менее самостоятельной темой исследования может быть так называемая информативная роль карсикко, т. е. карсикко как средство передачи информации и роль его в истории как инструмента примитивного письма с дальнейшим переходом к деревянным табличкам и биркам различной формы и назначения. Карельский и финский материал дает достаточно много фактов для реконструкции этого процесса, происходившего в той или иной форме у всех народов лесной зоны. В настоящее время можно считать доказанным, что примитивное письмо было изначально связано с приемами начертания простейших производственных знаков — «клеим», «тамг», — превратившихся в родовые и племенные «знамена». С другой стороны, существовали зооморфные и антропоморфные родовые знаки, изображения родовых тотемов, которые с течением времени упростились до символов и также были использованы для создания древнего письма. Таковыми являются изначальные алфавиты, например, кельтов и германцев, в том числе скандинавов, которые были связаны с магией и тайным знанием жрецов, о чем имеются упоминания в древнескандинавском эпосе.

В этой связи самостоятельной «ветвью» могло бы стать исследование магических знаков на предметах быта из дерева, таких как прялки, рубели, ткацкие станы и пр., а также в элементах архитектурного декора и вышивке. Материалы по карсикко, думается, могли бы помочь в освещении многих остающихся на уровне гипотез вопросов.

Отдельной темой для исследования может стать и отношение карсикко к жертвенным и так называемым священным деревьям и рощам и дальнейшим формам их существования (обетные и намагильные кресты, часовни и пр.). Выше уже упоминалось о когнитивной функции карсикко, т. е. о функции

упорядочивания и доместикации пространства, серьезное исследование которой должно быть связано с широким фронтом полевых работ. Исследования деревьев-знаков, несомненно, имеют перспективы, но время делает свое дело, и памятники ушедших эпох, пока еще стоящие на огромных пространствах северных лесов, неумолимо разрушаются.

Литература

Конкка 1986 — *Конкка А. П.* Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии / Карельский филиал АН СССР. Петрозаводск, 1986. С. 85—112.

Конкка 2006 — *Конкка А. П.* Карта сакральных мест: в поисках утерянных ориентиров // Водлозерские чтения: Естественнонаучные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск, 2006. С. 187—201.

Элиаде 1999 — *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999.

Harva 1942 — *Harva U.* Karsikkopuu. Iki vanha suomalainen kunnianosoitus / Kotiseutu. 1942. № 3/4. S. 93—99.

Holmberg 1924 — *Holmberg U.* Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki, 1924. S. 7—82.

Juvas 1931 — *Juvas M.* Lisätietoja karsikoista ja hurrikkaasta // Sanakirjasäätiön Toimituksia 1. Helsinki, 1931. S. 79—89.

Конкка 1999 — *Конкка А.* Kuusi kultalattu. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran Vuosikirja 77—78. Helsinki, 1999. S. 112—139.

Pentikäinen 1963 — *Pentikäinen J.* Pyhäkankaan karsikko ja sen asema suomalaisessa karsikkoperinteessä // Saarijärven kirja. Piekäsämäki, 1963.

Sarmela 1994 — *Sarmela M.* Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurinkartasto kartasto 2 / Atlas of Finnish Ethnic Culture 2. Folklore. — SKST 587. Helsinki, 1994.

Vilkuna 1960 — *Vilkuna A.* Valkoinen liina, vainajan liina // Virittäjä — 1960.

Vilkuna 1992 — *Vilkuna J.* Suomalaiset vainajien karsikot ja ristipuut / Kansatieteellinen Arkisto 39. Helsinki, 1992.

Virtaranta 1958 — *Virtaranta P.* Vienan kansa muistelee. Helsinki — Porvoo, WSOY, 1958.

Virtaranta 1978 — *Virtaranta P.* Vienan kylä kiertämässä. Helsinki — Vammala, Kirjayhtymä, 1978.